

Благодарю Бога моего, Иисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ (Римл. 7, 25), Онъ припомнитъ врагу моему день тотъ, - когда врагъ какъ тать крался въ душу и сердце мое и сталъ торжествовать въ нихъ.

„Дочь Вавилона опустошительница! Блаженъ, кто воздастъ тебѣ за то, что ты сдѣлала намъ. Блаженъ, кто возьметъ и разобьетъ младенцевъ твоихъ о камень!“

Врагъ мой лукавый и окаянный! Подожди торжествовать! Господь Иисусъ Христосъ поможетъ мнѣ Своею всецѣляющею благодатью возродиться—и тогда я разобью о камень вѣры и любви къ Господу младенцевъ твоихъ—сѣмена зла, которыя ты во мнѣ посѣялъ и возростилъ, ибо душа моя и во злѣ, днесъ лежащая стремится къ Нему, источнику добра, какъ елень къ источникамъ и какъ невѣста къ жениху.

Священникъ Владиміръ Успенскій.

Народный Архипастырь.

(Памяти Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Кіевского и Галицкаго).

„Отъ Господа стоны чловѣку
исправляются“. (Псал. 36, 23).

Новая тяжелая утрата въ русской православной церкви. Уже нѣтъ въ живыхъ добрѣйшаго, убѣленнаго сѣдиной, Кіевского архипастыря. Тяжело и грустно съ такими людьми разставаться. Но бессильна воля чловѣка, противъ воли Господней. Жизнь каждаго чловѣка находится всецѣло въ рукахъ Божіихъ. Господь даетъ чловѣку жизнь, онъ же посылаетъ ему и смерть.

Въ продолженіи всего жизненнаго поприща, Богъ ведетъ чловѣка путями, вѣдомыми только Ему одному. „Господь мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ; Господь убожитъ и

† Высокопреосвященный ФЛАВІАНЪ,
Митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

богатить; смиряеть и высить" (2 Цар. 2, 6). Ни одинъ волосъ не спадеть съ головы челоуѣка безъ воли Отца Небеснаго (Матѣ. 10, 30), т. е. ни одного жизненнаго событія не совершается безъ соизволенія Божія.

Особенно этотъ промысль Божій, въ болѣе ощутительныхъ и ясно видимыхъ дѣйствіяхъ отразился на Кіевскомъ митрополитѣ Флавіанѣ, въ Возѣ почившемъ 4 ноября 1915 года, въ 8 час. 20 мин. вечера. Его свѣтлый и величественный образъ, во всей его полнотѣ, является для потомства идеаломъ истиннаго народнаго архипастыря, мудраго церковнаго кормчаго, смиреннаго инока.

Безсилно наше слабое перо изобразить его душевный образъ, во всѣхъ деталяхъ. Мы постараемся сплести ему вѣнокъ на его свѣжую могилу не изъ живыхъ цвѣтовъ, а изъ искреннихъ живыхъ словъ, дабы глубже запечатлѣть въ своей душѣ его благородный, добрый, свѣтлый образъ, воспитавшійся въ духовной школы.

Покойный происходилъ изъ дворянъ Симбирской губерніи, въ мірѣ Николай Николаевичъ Городецкій, родился 26 іюня 1840 года въ гор. Орлѣ. Онъ съ ранней юности лишился своихъ родителей, живя въ качествѣ сироты у родной тетки, подъ ея руководствомъ. Первоначальное образованіе Городецкій получилъ въ Орловской классической гимназій, а въ 1857 году поступилъ въ Московскій университетъ, на юридическій факультетъ, каковой не окончилъ. Въ 1861 году на 21 году отъ рожденія, Николай Городецкій поступаетъ въ Николаевскій Пѣсномскій монастырь, отличавшійся въ то время строгостью иноческой жизни. Видимо въ душѣ молодого студента произошелъ сознательный душевный переворотъ, приведшій изъ шумнаго студенческаго кружка, въ суровую иноческую обитель, гдѣ ему пришлось встрѣтить тяжелое испытаніе.

Воспитанный въ нѣгѣ, онъ здѣсь работалъ какъ чернорабочій послушникъ, рубилъ и возилъ дрова, топилъ печи, мылъ полы и другія тяжелыя работы. Иногда говаривалъ онъ, будучи уже митрополитомъ: „Всего тяжелѣе для меня было мыть полы и вотъ когда я, обливаясь потомъ, старался добиться чистоты въ загрязненныхъ корридорахъ, натиралъ полы мочалками, положивъ въ воду щелокъ и даже песокъ—монахи приходили въ веселое настроеніе и посмѣиваясь надо мной, говорили,—что братъ, это не въ университетѣ съ книжками ходить, а еще ученый, а полы мыть не умѣешь“.

Таковы были испытанія молодого послушника, закаляющіе его въ горнилѣ терпѣнія, трудолюбія и смиренія. Но эти испытанія были сверхъ силу его души. Нужно себѣ представить, какое волненіе переживала его юная пылкая душа, получающая такіе сильные удары по юношескому самолюбію. Нѣтъ, таковыя поступки этихъ неразумныхъ монаховъ мы не одобряемъ; видимо это были монахи только по черному одѣянію, а не по высокому званію, чужды всякаго воспитанія и любви.

Но видимо на послушникѣ Николаѣ Городецкомъ уже обитала искра Божіей благодати, безъ помощи которой, трудно было бы переносить подобныя испытанія. Онъ навѣрное уже зналъ примѣръ смиренія св. Іоанна Дамаскина и безропотно переносилъ ниспосылаемыя испытанія. Не такъ тяжелъ трудъ, какъ тяжело переносить наносимыя оскорбленія не далекими и глухими людьми.

Молодой послушникъ помня слова Господа: „аще кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себѣ и возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ“, рѣшилъ все терпѣть, дабы не возвратиться вспять. Онъ сознавалъ, что жизнь, иноческая, на которую онъ вступилъ, есть не отдыхъ, а сплошной подвигъ, постоянныя труды, лишенія и оскорбленія отъ бѣсовъ и злыхъ людей. Цѣль его поступленія въ монастырь была дабы въ тиши монастырской келіи послѣ ожесточенной борьбы съ грѣховными влеченіями достигнуть высшихъ нравственныхъ доблестей.

Изъ Пѣсномскаго монастыря Николай Городецкій перешолъ въ Московскій Симоновъ монастырь, гдѣ не нашла его душа желаннаго иноческаго идеала и онъ поступилъ въ Козельскую Введенскую Оптину пустынь, духовно цвѣтущую въ то время. Здѣсь онъ также несъ все послушанія, какія возлагались на него съ усердіемъ, подъ руководствомъ опытныхъ старцевъ. Отъ непривычныхъ тяжелыхъ трудовъ, послушника Николая Городецкаго постигла изнурительная болѣзнь—геморрой и послѣ перенесенной тяжелой операціи, онъ былъ переведенъ съ чернаго послушанія, на болѣе легкое, монастырскаго пономаря. Онъ по возможности старался осуществить въ своей жизни заповѣдь Господа: „Не печитесь душою вашею, что ясте или что піете, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетесь не душа ли больше есть пици и тѣло одежды“ (Матѣ. 6, 25), будучи какъ странникъ на землѣ, не имѣющій здѣсь ни пристанища, ни источника земныхъ благъ и радостей.

Въ свободныя часы отъ послушанія и молитвы онъ читалъ слово Божіе, въ которомъ Духъ Святый, по слову Апостола: „совокупилъ все по-

лезное для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, да будетъ совершенъ Божій человѣкъ, ко всякому доброму дѣлу приготовленъ“ (2 Тимѳ. 3, 16—17).

Онъ, какъ истинный ученикъ Христовъ, чуждъ человѣческой славы, несущій непрерывные труды и непрекословное повиновеніе, вполнѣ могъ сказать съ Апостоломъ: „Се мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебѣ идохомъ“ (Матѳ. 19, 27).

Въ иноческой обители онъ приучилъ себя къ полному забвенію своего „я“, этому истинному смиренію, чрезъ что привлекъ на себя благодать Духа Божія, которая изливается только на смиренныхъ. Монастырскій режимъ тѣсенъ и прискорбенъ, не мало требуетъ самоотверженія и силы воли въ борьбѣ съ уныніемъ и малодушіемъ, но зато душу очищаетъ какъ въ горнилѣ, дѣлая ее крѣпкой, терпѣливой и мужественной. Эта суровая школа истиннаго иноческаго послушанія, оставила въ душѣ будущаго митрополита слѣды незлобія, терпѣнія, смиренія, простоты, великодушія и снисхожденія.

17 февраля 1866 года послушникъ Николай Городецкій постригается въ монашество съ именемъ Флавіана, а 18 февраля рукоположенъ въ санъ іеродіакона.

„Отъ Господа стопы человѣку исправляются“ (Псал. 36, 23). Промысль Божій выводитъ іеродіакона Флавіана изъ тиши иноческой обители на служеніе церкви среди суетнаго міра. Онъ назначается секретаремъ въ Римъ при настоятелѣ нашей посольской церкви. Тяжело было ему оставлять тихую монастырскую келію, но вѣдомый Провидѣніемъ свыше, онъ побоялся противиться волѣ Божіей.

Прибывъ въ столицу Италіи, онъ тамъ пробылъ недолго. Разрывъ дипломатическихъ сношеній съ папскимъ римскимъ дворомъ заставилъ причтъ посольской церкви удалиться въ Неаполь, а затѣмъ въ Россію. Настоятель посольской церкви былъ архимандритъ Гурій, который вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію, былъ хиротонисанъ во епископа Чебоксарскаго, викарія Казанской епархіи. Іеродіакона Флавіана преосвященный Гурій въ 1867 году опредѣляетъ въ число братіи Казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря. 9 апрѣля 1867 года іеродіаконъ Флавіанъ рукополагается въ санъ іеромонаха.

Въ концѣ 1867 года преосвященный Гурій назначается на кафедру епископа Таврическаго, а въ 1868 году іеромонахъ Флавіанъ зачисляется въ число братіи Таврическаго архіерейскаго дома. Здѣсь онъ исполнялъ

разныя послушанія: совершалъ церковныя службы и требы, несъ обязанности эконома архіерейскаго дома и духовника, будучи въ то же время настоятелемъ Бахчисарайскаго скита. Съ 23 марта 1871 года онъ былъ инспекторомъ классовъ, законоучителемъ и учителемъ географіи въ Симферопольскомъ епархіальномъ училищѣ. Въ неусыпныхъ трудахъ онъ въ Симферополь проводилъ пять лѣтъ.

6 іюня 1873 года іеромонахъ Флавіанъ назначается членомъ Пекинской православной миссіи, находившейся подъ начальствомъ архимандрита Палладія *), тридцать лѣтъ прожившаго въ Китаѣ. Здѣсь его ожидала новая школа терпѣнія и неусыпнаго труда. Въ Китаѣ іеромонаху Флавиану пришлось изучать китайскій языкъ.

Самъ онъ потомъ говорилъ: „Съ утра ко мнѣ приходилъ китаецъ и до поздней ночи корюль со мной, уча меня китайскимъ премудростямъ. О. настоятель миссіи былъ человекъ строгій: онъ указалъ мнѣ заборъ въ усадьбѣ, гдѣ помѣщалась миссія, и сказалъ: что дальше этого забора я не имѣю права выходить и я никогда не выходилъ изъ этого убѣжища до тѣхъ поръ, пока самъ не сдѣлался начальникомъ миссіи“. При своемъ рѣдкомъ положеніи, онъ хорошо изучилъ китайскій языкъ, переводилъ на него богослужебныя и поучительныя религіозно-нравственныя книги, а также самъ составлялъ полезныя для китайцевъ книжки. Много потрудился по составленію китайскаго словаря, который уже послѣ сего изданъ въ свѣтъ.

2 января 1879 года іеромонахъ Флавіанъ возводится въ санъ архимандрита и назначается начальникомъ Пекинской православной миссіи. Съ апостольскою ревностію трудился архимандритъ Флавіанъ въ проповѣдываніи христіанства въ Китаѣ и слово его находило благопріятную почву. Китайцы обращались въ православіе и изъ нихъ готовились священники, рукополагаемые въ Японіи архіепископомъ Николаемъ. Богослуженіе совершалось на китайскомъ языкѣ, что много способствовало къ обращенію къ Церкви Христовой китайцевъ-язычниковъ. На миссіонерскомъ поприщѣ въ Китаѣ пробылъ онъ 10 лѣтъ. Періодъ довольно долгій. Не мало пришлось пережить за это время невзгодъ и тревогъ. Миссіонеровъ болѣе сопутствуютъ холодъ, трудъ и несочувствіе. Всю тяжесть этого служенія можетъ познать только тотъ, кто тянулъ эту лямку своими плечами.

Архимандритъ Флавіанъ въ минуты тоски и унынія на чужой сторонѣ находилъ утѣшеніе въ трудѣ, относясь къ дѣлу съ любовью и предан-

*) Кааарова.

ностью не забывая словъ Жизнодавца Христа: „Я съ вами во вся дни до скончанія вѣка“ (Матѣ. 28, 20).

25 октября 1883 года архимандритъ Флавіанъ оставилъ постъ начальника Китайской миссіи и былъ переведенъ въ братство Александро-Невской лавры. Китайцы съ грустью разставались съ любвеобильнымъ архимандритомъ.

19 января 1885 года состоялось назначеніе архимандрита Флавіана во епископа Аксайскаго, викарія Донской епархіи, а 2 февраля была хиротонія. 29 іюня 1885 епископъ Флавіанъ переводится на кафедру епископа Люблинскаго, викарія Холмско-Варшавской епархіи. Здѣсь онъ много потрудился въ борьбѣ съ католичествомъ и униатами. Какъ миссіонеръ-практикъ, онъ работалъ продуктивно и за усердно-полезную дѣятельность, назначается 14 декабря 1891 года, епископомъ Холмскимъ и Варшавскимъ, 15 мая 1892 года возводится въ санъ архіепископа. Будучи на самостоятельной кафедрѣ архіепископъ Флавіанъ усугубилъ свои заботы объ укрѣпленіи возсоединеннаго народа въ православной вѣрѣ, также заботясь о благолѣпнн храмовъ Божіихъ и школьномъ образованіи.

Архипастырь часто посѣщалъ ввѣренныя ему приходы, входилъ во все духовныя и семейныя нужды духовенства и сумѣлъ всехъ объединить для дружной работы. Хотя онъ не любилъ тратить время для посѣщенія свѣтскихъ людей, но пользовался искреннимъ уваженіемъ общества. Служилъ онъ благоговѣнно и торжественно. Къ духовенству и къ монашествующимъ относился отечески не дѣлая такъ, какъ бываетъ у иныхъ іерарховъ, что однихъ любятъ, а къ другимъ относятся какъ къ пасынкамъ. Особенно послѣдній удѣлъ пасынкѣвъ, въ большинствѣ случаевъ, выпадаетъ на долю иноковъ.

Справедливо говорилъ при погребеніи архіепископъ Харьковскій Антоній: „Обыкновенно архипастыри предпочитаютъ одну сторону предстоящей имъ дѣятельности и нерѣдко пренебрегаютъ другими—муки науки приближаютъ къ себѣ труженниковъ школы, учащихся и учащихся—бывшіе до постриженія священниками заботятся преимущественно объ интересахъ приходскаго духовенства; воспитанники обителѣй предпочитаютъ монаховъ и монастыри; вышедшіе изъ общества сближаются съ мѣстною знатію; у всехъ такихъ пастырей есть много приверженцевъ изъ одного круга, прочіе переживаютъ чувства если не обиды, то все же нѣкотораго лишенія.

Не таковъ былъ усопшій владыка Флавіанъ. По происхожденію своему чуждый дух. сосл. и семейной жизни, онъ въ своемъ кропотливомъ,

внимательномъ отношеніи къ дѣламъ приходскаго духовенства, и особенно къ самому мудреному и щекотливому изъ нихъ, т. е. къ замѣщенію священническихъ мѣстъ, превосходилъ почти всѣхъ, а можетъ быть и всѣхъ современныхъ архипастырей. Какъ часто можно было его встрѣчать въ терпѣливой бесѣдѣ со священникомъ, которому митрополитъ спокойно и не торопясь объяснялъ, почему онъ предпочелъ ему другого собрата; при этомъ пристыженный искатель съ изумленіемъ видѣлъ, въ рукахъ владыки собственноручно составленный списокъ просителей оспариваемаго прихода съ обстоятельнымъ указаніемъ не только ихъ служебнаго, но ихъ семейнаго положенія... Но, конечно, наиболѣе близкимъ себѣ и наиболѣе близкими себя ему почитали себя тѣ „кто въ наше время принуждены себя чувствовать строгими едва не въ большей части нашихъ епархій. Разумью нашихъ монастырскихъ монаховъ, наше вышедшее изъ народа „черное духовенство“, которое почти вездѣ держится въ черномъ тѣлѣ. Въ митрополитѣ Флавіанѣ эти смиренные труженики видѣли своего брата, своего родителя и заступника, своего добраго попечителя и отца, и при томъ не только въ вѣрившихся ему епархіяхъ, но и во всей русской церкви. Всѣ они знали и не забывали ни на минуту, что митрополитъ началъ свое служеніе, подвизаясь въ такъ называемыхъ „тяжкихъ службахъ“, какъ черноработчій послушникъ, трудившійся въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ надъ мытьемъ половъ, рубкой и возкой дровъ и тонкой печей пока, наконецъ, изнурительный геморрой не заставилъ его перейти (послѣ перенесенія тяжелой операціи) наиболѣе легкое, хотя и весьма смиренное послушаніе монастырскаго пономаря“... Относился онъ одинаково ко всякому монаху, послушнику, а также къ бѣлому духовенству.

Онъ съ молодыхъ лѣтъ не искалъ ни славы, ни положенія, ни похвалы людской, какъ дѣлается въ нашъ вѣкъ, для достиженія своей цѣли жертвуютъ своей совѣстью, лгутъ, лстятъ, клеветуютъ на своихъ соперниковъ, идутъ на предательство и на несчастіе другихъ создаютъ себѣ карьеру, но слава и народная любовь шла за нимъ.

Онъ искалъ Бога, Богъ его прославлялъ, людскіе сердца располагалъ къ нему и дѣламъ ниспосылалъ успѣхъ. Всегда святитель отличался своей сдержанностью, кротостью, благожелательностью и благороднымъ внимательнымъ обращеніемъ со всѣми обращающимися къ нему. Знатный, богатый и бѣдный находили у владыки одинаковое отеческое отношеніе. Умѣлъ архіепископъ цѣнить и выбирать людей и ставить ихъ на соотвѣтствующее мѣсто. Не любилъ угашать духъ ревности и инициативы выдающихся по

природнымъ дарованіямъ людей, какъ это часто встрѣчается въ наше время. Не затиралъ онъ самородный талантъ исключительныхъ тружениковъ, а всячески содѣйствоваль имъ въ развитіи и трудахъ.

Не напрасно сказано: „внюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ“. За добрыя справеливыя дѣла, Господь возвышалъ архіепископа Флавіана.

21 февраля 1898 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе о бытіи высокопреосвященному Флавіану архіепископомъ Карталинскимъ, со званіемъ члена св. Синода и экзарха Грузіи. Трогательно было прощаніе архіепископа Флавіана съ Холмской паствой. Епископъ Тихонъ, нынѣ архіепископъ Литовскій и Виленскій, въ своей трогательной прощальной рѣчи выразилъ настроеніе паствы, которая со слезами провожала своего архипастыря.

Прибывъ въ Тифлисъ онъ завелъ вѣбогослужебныя бесѣды съ народомъ, ввелъ говорить проповѣди за богослуженіемъ и съ отеческой заботой относился къ миссіонерскому дѣлу. Много трудился владыка о возсоединеніи сирохалдейцевъ съ православной церковью.

Пробывъ въ Грузіи три съ половиной года, снѣ многое сдѣлалъ для грузинской церкви, заслужилъ искреннее уваженіе и любовь паствы и общества, ибо всѣхъ любилъ, о всѣхъ заботился какъ чадолюбивый отецъ и дѣла не любилъ отлагать. Честно и усердно трудился святитель и въ грузинскомъ виноградникѣ Христовомъ, будучи вѣрнымъ и мудрымъ строителемъ въ дому Божиемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Игумень Серафимъ.

Редакторъ-Издатель Игумень Серафимъ.

Славный ваш . . .-й пермскій полкъ украшенъ вышею Царскою милостию—Георгиевскимъ знаменіемъ въ воздаяніе за его славные подвиги въ прошломъ. Такою же славою онъ украсилъ себя и теперь.

Да будетъ славенъ онъ и всегда на славу Царю Самодержавному и на благополучіе дортого нашего отечества. Аминь.

Епископъ **Андроникъ**.

Народный Архипастырь *).

(Памяти Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго).

(Окончаніе).

10 Ноября 1901 года высокопреосвященный Флавіанъ переводится на кафедру скончавшагося знаменитаго проповѣдника, архіепископа Амвросія, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, съ оставленіемъ въ званіи члена Св. Синода. Во всѣхъ своихъ жизненныхъ путяхъ, архипастырь съ глубокимъ смиреніемъ покорялся ведомому Промыслу Божію, говоря: „да будетъ воля Твоя“. Здѣсь владыка съ прежней неослабной ревностью трудился на благо Церкви. Отчески заботился о воспитаніи молодого поколѣнія въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ духѣ церковности, предлагая помимо официальной программы, устраивать школьныя праздники съ религіозно-нравственными чтеніями. Харьковское духовенство и общество скоро оцѣнили своего новаго архипастыря, его духовный образъ, увидавъ въ немъ высоту благородства и христіанскихъ добродѣтелей. Здѣсь онъ проявилъ себя, какъ опытнаго и разумнаго церковно-общественнаго дѣятеля, пользовавшагося уваженіемъ духовенства и общества. Хотя владыка и не былъ человѣкомъ дипломированнымъ, но былъ глубоко образованнымъ

*) См. „Голосъ Долга“ № 9—10, 1916 г.

иерархомъ, достигнувъ сего своимъ упорнымъ трудомъ самообразования. Это еще болѣе возвышаетъ его, какъ выдающагося самородка, достигшаго рѣдкаго умственного развитія, своимъ упорнымъ трудомъ, при природномъ дарованіи. Природное дарованіе всегда стояло и будетъ стоять выше образования. Всѣ выдающіеся богатыри мысли и ума были прежде всего одарены отъ природы особымъ дарованіемъ, а образование какъ гимнастика ума только развила ихъ умственные способности.

Не мало мы знаемъ по исторіи такихъ великихъ людей, также не дипломированныхъ, но достигшихъ высокаго развитія всецѣло самообразованиемъ. Этимъ мы не хотимъ сказать, что не нужно дипломировать образование человѣка, но хотимъ отмѣтить то неразуміе, которое совершается въ наше время, стараніе выдвигать на серьезные посты людей дипломированныхъ не считаясь съ тѣмъ, имѣютъ ли они достаточно для сего умственныхъ дарованій, а людей съ природнымъ дарованіемъ, богатырей слова, дѣла и ума затираютъ только потому, что они не дипломированы, а развили свой умъ самообразованиемъ. Никто не будетъ отвергать, что образование безъ природнаго дарованія, какъ приставныя части къ тѣлу. Напримѣръ, искусственная нога или рука, сколько бы съ ними не практиковался человѣкъ, всетаки они будутъ приставными и не способными къ тѣмъ дѣламъ, какія могутъ дѣлать настоящіе природные нога и рука. Бывало занимали высокіе посты люди отличенные дипломами, но не могли достигать такихъ успѣховъ въ дѣлахъ, какъ люди съ выдающимсяъ природными дарованіями, безъ дипломной оцѣнки ихъ умственныхъ развитій. Это мы видимъ на живомъ примѣрѣ владыки Флавіана.

3 февраля 1903 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе архіепископу Флавіану, быть митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ. Могъ ли онъ думать, что Божественное Провидѣніе изъ смиреннаго послушника возвыситъ его такъ высоко? Нѣтъ, онъ оставилъ міръ по внутреннему призванію, безъ всякой мысли и тѣни надежды на свою карьеру. Самъ Господь смиренныхъ возвышаетъ и достойныхъ ставитъ на высоту, дабы свѣтили многимъ.

Рука Божественнаго Промысла привела смиреннаго святителя въ древній Кіевъ, „откуда пошла есть Русская земля“, гдѣ совершилось крещеніе русскаго народа, гдѣ возсіялъ свѣтъ православія, гдѣ получила наша родная церковь свое начало.

Съ трепетнымъ благоговѣніемъ вступилъ архипастырь въ древній Кіевъ. Вступая въ соборъ святой Софіи, его были первыя слова: „Госпо-

ди, да будетъ воля Твоя“. Съ присущимъ ему смиреніемъ, митрополитъ Флавіанъ началъ свое служеніе на высококомъ іерархическомъ посту митрополита. Онъ еще съ большимъ самоотверженіемъ принялся за дѣло Церкви Христовой, крѣпко держа святительское знамя, соблюдая точность и аккуратность во всемъ, полную нестяжательность, какъ инокъ, питая безграничную любовь къ людямъ, снисходительность, ласковость въ обращеніи со всѣми со своими и чужими, съ благочестивыми и грѣшниками. Подъ его управленіемъ легко жило и спокойно дышалось всѣмъ.

Проживалъ въ Кіевѣ митрополитъ въ покояхъ Кіево-Печерской лавры, а лѣтомъ на короткое время уѣзжалъ въ Голосѣвскую пустынь, гдѣ духомъ отдыхалъ послѣ епархіальныхъ трудовъ. При его управленіи Кіевская епархія процвѣтала въ научно просвѣтительномъ отношеніи и устройствѣ благолѣпія въ храмахъ ея. По его благословенію и поддержкѣ основано Кіевское Свято-Владимірское общество и въ самой епархіи открылось много религіозно-просвѣтительныхъ организацій.

Въ 1906 году высокопреосвященный Флавіанъ принималъ участіе въ Высочайше утвержденномъ предсоборномъ присутствіи. Здѣсь къ голосу его прислушивались, какъ голосу опытнаго администратора, много потрудившагося на разныхъ поприщахъ и побывавшаго въ разныхъ предѣлахъ Россіи, много видѣвшаго. Онъ много не говорилъ, но если говорилъ, то мудро, жизненно и разумно.

Въ 1907 году работалъ въ комиссіи по бракоразводному дѣлу, а въ 1908 году въ комиссіи по вопросу о коренной реформѣ церковнаго управленія въ Грузинскомъ экзархатѣ и по вопросу объ устройствѣ внутренней миссии. Въ этомъ же году владыка принималъ живое участіе въ 4 Всероссийскомъ Кіевскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, въ лицѣ его былъ убѣжденный миссіонеръ.

Митрополитъ Флавіанъ былъ искреннимъ патріотомъ, сторонникомъ монархическаго самодержавнаго государственнаго управленія. Его заслуги передъ государствомъ въ смутные 1905—6 г.г. не будутъ забыты потомствомъ. Онъ искренно и горяче любилъ Россію, радовался ея радостями, скорбѣлъ ея скорбями.

Въ 1909 году онъ первосвятительствовалъ на юбилей Полтавской побѣды, въ Высочайшемъ присутствіи, а въ 1911 году на открытіи памятника Государю Императору Александру II.

Митрополитъ Флавіанъ помимо всѣхъ его лучшихъ качествъ, былъ страстнымъ бібліографомъ. Онъ выстроилъ въ Кіево-Печерской лаврѣ осо-

бое зданіе для своей бібліотеки, которую собиралъ всюду и вездѣ, розыскивая рѣдкостныя изданія. Имъ собрано въ свою бібліотеку свыше одиннадцати тысячъ томовъ. Онъ имѣлъ довѣренныя лицъ, которые розыскивали и пріобрѣтали для него рѣдкія книги. Въ его бібліотекѣ имѣется альбомъ портретовъ и карточекъ почти всѣхъ русскихъ іерарховъ, отъ первыхъ временъ русской церкви и до нашего времени.

Помимо устройства въ лаврѣ зданія для бібліотеки, онъ устроилъ въ ней на свои средства обширный Благовѣщенскій храмъ, трапезную церковь, больницу съ церковью, больничную церковь для приписной Китаевской пустыни. Цѣнилися труды высокопреосвященнаго Флавіана и съ высоты Царскаго Престола. Онъ имѣлъ всѣ ордена до ордена св. Андрея Первозваннаго, полученнаго въ 1913 году; также ему былъ пожалованъ крестъ для предношенія въ богослуженіи и панатія украшенная брилліантами.

Особенно сильно пошатнула крѣпкое здоровье митрополита Флавіана нынѣшняя великая война. Онъ страшно боялся, дабы враги не осквернили Кіевскія святыни. Онъ болѣлъ за нихъ сердцемъ и душой и успокоился послѣ полученной Высочайшей телеграммы, что съ надеждой на Бога врагъ не будетъ допущенъ до Кіева. Въ его покояхъ тысячи раненыхъ и разоренныхъ бѣженцевъ находили пріютъ, получая матеріальную и духовную помощь святителя.

Съ первыхъ чиселъ октября высокопреосвященный Флавіанъ сталъ чувствовать недомоганіе, а съ 10 октября начались приступы астмы. Владыка чувствовалъ, что онъ съ болѣзненнаго одра не встанетъ, приблизился его часъ разлуки съ землей. Онъ 17 октября писалъ архіепископу Антонію Харьковскому: „Дорогой Владыка! Прощайте. Умираю. Положение тяжелое. Заболѣлъ ночью на воскресенье обычными болями въ груди, которыя приняла острый характеръ и теперь перешли въ тяжелую форму сердечной астмы. Выздоровѣть не надѣюсь. Сегодня причащался во второй разъ. Намѣстникъ говорить о соборованіи. Усердно прошу вашихъ святыхъ молитвъ и исполненія обѣщанія пріѣхать и совершить мое погребеніе. Искренно васъ любящій митрополитъ Флавіанъ“.

У владыки была астма въ тяжелой формѣ развившаяся отъ нереживаемыхъ волненій, вызванныхъ за послѣднее время грозными испытаніями, ниспосланными отечеству, а затѣмъ имъ было перенесено воспаленіе легкихъ, что сильно истощило организмъ. Лежать больному было трудно—задыхался, а сидѣлъ въ креслѣ. Пищи за послѣднѣе время почти совсѣмъ не принималъ. Свои тяжелыя страданія владыка переносилъ безропотно, не

издавая стона, стараясь со всіми быть ласковымъ, привѣтливомъ и улыбающимся. Онъ безпокоился не за себя, а за тѣхъ, которые ухаживали за нимъ, дабы онѣ не переутомились отъ безпокойства ночью, когда прислуживающихъ ночью отправлялъ спать, то просилъ, чтобы они спали спокойно и не безпокоились, когда услышать его стоны. Онъ спокойно иногда имъ говорилъ: „ахъ, надѣлаю тогда я вамъ безпокойства и хлопотъ,—лучше бы умереть днемъ“ и просилъ, если это случится ночью, „не безпокойтесь и не убирать его до утра“. Таково было глубокое смиреніе святаго. Своимъ близкимъ сотрудникамъ онъ говорилъ: „Бодрствуйте. Крѣпко стойте на стражѣ церковной, ибо врагъ не дремлетъ. Времена нынѣ тяжкія для дорогой нашей Родины—Церкви Христовой. Врагъ злобствуетъ, ухищряется, старается сѣять всякаго рода плевелы на нивѣ Христовой. Бодрствуйте, непрестанно молитесь“. Онъ предчувствовалъ свою кончину, о чемъ говорилъ своимъ приближеннымъ. Эти предсмертныя бесѣды носили весьма трогательный характеръ и всехъ умиляли до слезъ.

Владыка до послѣднихъ дней своей жизни интересовался ходомъ настоящей великой войны. Это ясное словъ говорить о его искреннемъ и горячемъ патриотизмѣ. Душа его до послѣдняго вздоха горѣла пламенною любовью къ любезному Отечеству. Онъ будучи больной, не переставалъ возносить свои пламенные молитвы о ниспосланіи побѣды нашему воинству. Прибывшіе съ фронта военные для него были самыми приятными собеседниками во время болѣзни. Онъ съ любовію ихъ слушалъ и задавалъ вопросы о ходѣ военныхъ дѣйствій, не смотря на то, что былъ очень слабъ. При этомъ разговорѣ, онъ воодушевлялся и какъ бы забывался, что онъ болѣнъ. Справлялся о дѣлѣ помощи раненымъ воинамъ въ его епархіи.

Послѣдніе дни жизни и кончина владыки Флавіана были замѣчательны, истинно христіанскія и непостыдно мирны, праведны. Въ послѣдніе дни своей жизни онъ ежедневно исповѣдывался и приобщался св. Христовыхъ Таинъ. 23 октября по его желанію, было совершено таинство елеосвященія.

Волящій митрополитъ сдѣлалъ подробныя распоряженія о своей кончинѣ, выразилъ желанія о мѣстѣ его погребенія, въ какія ризы облачить, указалъ чинъ и порядокъ погребенія, высказалъ свои предсмертныя завѣщанія и просилъ его не забывать въ молитвахъ.

Кіевляне усердно молились о выздоровленіи своего горяче любимаго архипастыря и медицина старалась облегчить страданія больного, ибо была увѣрена въ неизбѣжности близкой кончины.

Наступилъ роковой день 4 ноября. Владыка исповѣдался и приобщился св. Таинъ и почувствовалъ себя лучше и бодрѣе.

Въ доходѣ 8 часовъ вечера, лицо больного какъ-бы просвѣтлѣло и онъ сказалъ присутствующимъ, что чувствуетъ себя покойно и хорошо, желаетъ немного отдохнуть и попросилъ положить его въ постель. Желаніе владыки было исполнено. Онъ лежа въ постели былъ покоенъ, съ радостнымъ свѣтлымъ лицомъ молился Богу, затѣмъ посмотрѣлъ на всѣхъ окружающихъ радостнымъ привѣтливо-улыбающимъ взоромъ и тихо, тихо отошла его праведная душа ко Господу, въ 8 часовъ 20 мин. вечера.

Угасъ свѣтло горящій свѣтильникъ Кіевской Церкви. Отработался неутомимый работникъ на нивѣ Христовой. Серпомъ смерти пожать спѣлый колось, для житницы Отца Небеснаго. Лаврскій соборный колоколь извѣстилъ кіевлянъ о кончинѣ ихъ святителя. Не стало въ живыхъ того, у кого вся жизнь была непрерывнымъ подвигомъ, примѣромъ жизни для окружающихъ, живой проповѣдью не на словахъ, а на дѣлѣ, кто былъ отцомъ сирыхъ и обездоленныхъ, у кого вся жизнь усѣяна дѣлами любви и прославляла Отца Небеснаго, Которому онъ остался вѣрнымъ до гроба.

Въ бумагахъ оказалось архипастырское посланіе почившаго владыки-митрополита, написанное въ послѣдніе дни его жизни, въ которомъ выражена послѣдняя воля въ Бозѣ почившаго народнаго архипастыря. Посланіе это слѣдующаго содержанія:

Возлюбленныя чада о Христь!

„Великое испытаніе за грѣхи наши послалъ Господь нашей родинѣ. Страшный, жестокій, безчеловѣчный врагъ вторгся вглубь нашей страны, приблизился къ предѣламъ даже нашей родной земли. Въ своемъ ожесточеніи онъ не щадитъ мирныхъ жителей: ни дряхлыхъ стариковъ, ни беззащитныхъ женщинъ, ни малыхъ дѣтей и потому мирные жители, въ великомъ страхѣ предъ этими жестокостями и не желая быть рабами враговъ родины, бросаютъ свои теплыя, насиженные гнѣзда и все, отцами и дѣдами и прадѣдами нажитое и, какъ листья, въ осеннюю непогоду оторвавшись отъ своего дерева, несутся по полямъ и дорогамъ, въ ужасѣ бѣгутъ, часто подъ градомъ пуль, подъ грохотъ пушекъ, бѣгутъ, сами не

зная куда, лишь бы скрыться отъ всѣхъ ужасовъ, лишь бы не стать рабами врага, лишь бы не работать на пользу враговъ противъ своихъ родныхъ братьевъ.

И вотъ, возлюбленные, мы видимъ какъ бы живую рѣку бѣженцевъ, катящую свои страшныя волны по нашимъ трактамъ и проселочнымъ дорогамъ. Безъ слезъ, безъ глубокой скорби нельзя глядѣть на этотъ непрерывный потокъ несчастныхъ скитальцевъ! Посмотрите на нихъ, поразспросите каждого изъ нихъ! У него былъ свой домъ, въ которомъ онъ родился, выросъ, въ которомъ жили и умерли его родители и дѣды, въ которомъ каждый уголокъ, каждый гвоздикъ дорогъ ему съ дѣтства; а теперь онъ не имѣетъ, гдѣ и главу приклонить, у него нѣтъ даже и землянки, и наступающіе холода грозятъ ему болѣзнями и смертью! Домъ его былъ полной чашей. Его наполняли, по крупинкамъ собирая, его украшали всѣ члены его семьи и предки: были тамъ — и пища, и одежда, и всякое добро; а теперь все его имущество — это нѣсколько мѣшковъ, впопыхахъ наполненныхъ чѣмъ попало, а все остальное — жертва огня или добыча враговъ, и голодная смерть грозитъ ему и его семьѣ!

У него и дворъ былъ не пустой: были тамъ и лошади, и коровы, и овцы, и птица, и какъ ихъ онъ любилъ, холилъ, радуясь на нихъ! А теперь самое большое — одна-двѣ лошадки, полуголодныя, переутомленныя, уже много дней, а то — и недѣль, не видавшіе отдыха, — вотъ жалкій остатокъ отъ его хозяйства! У него былъ любимый отецъ, мать старушка, а теперь ихъ нѣтъ: немощный старикъ — въ плѣну враговъ и, быть можетъ, уже замученъ или умеръ съ голоду, а мать, потрясенная всѣмъ пережитымъ, въ дорогѣ умерла. А что съ его дѣтьми? О, не спрашивайте! Дочь обезчещена врагами и сошла съ ума, подростокъ сынъ во вражеской неволѣ, а малыя дѣти отъ холода и голода лежатъ на возу въ тяжкомъ недугѣ и доводятъ до отчаянія его несчастную жену-страдалицу, да и его самого! А посмотрите, возлюбленные, на этихъ несчастныхъ, голодныхъ, оборванныхъ, дрожащихъ отъ холода малютокъ — круглыхъ сиротъ, или затерявшихъ своихъ родителей! О, кровью сердце обливается при видѣ всего этого ужаса, какой переживаютъ несчастные страдальцы-бѣженцы.

Что же намъ дѣлать? — спрашивали евреи у св. Иоанна Крестителя, когда онъ повѣдалъ имъ о грядущемъ на нихъ гнѣвѣ Божиѣмъ. У кого двѣ одежды, отвѣчалъ онъ, тотъ дай неимущему, и у кого есть пища, тотъ дай тоже (Лук. 3, 10—11). И вамъ, чада возлюбленныхъ, вопрошающимъ, при видѣ постигшаго Русь и грозящаго каждому изъ насъ гнѣ-

ва Божія, „что намъ дѣлать“, —мы отвѣчаемъ этими же словами св. Предтечи Господня. Дѣлитесь всёми, что имѣете, съ несчастными бѣженцами, облегчайте всячески ихъ безграничныя страданія и лишенія.

„Алкаль Я“, скажетъ Господь праведникамъ на страшномъ судѣ, „вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ и вы напоили Меня“...

Не въ лицѣ ли этихъ несчастныхъ голодающихъ бѣженцевъ Самъ Господь протягиваетъ къ намъ Свою руку за подаваніемъ? Спѣшите же накормить этихъ голодныхъ меньшихъ братій Господнихъ!

„Былъ странникомъ Я и вы приняли Меня“, скажетъ Господь... Не Самъ ли Господь въ лицѣ этихъ безпріютныхъ скитальцевъ стучится къ намъ въ двери? Поспѣшимъ же открыть предъ ними свое жилище и приютить этихъ меньшихъ братій Господнихъ!

„Былъ нагъ Я и вы одѣли Меня“... Не Самъ ли Господь ждетъ отъ насъ состраданія въ лицѣ этихъ несчастныхъ полуголыхъ, дрожащихъ отъ холода дѣтокъ бѣженцевъ? Поскорѣ же постараемся одѣть этихъ меньшихъ братьевъ Господнихъ!

„Я былъ боленъ и вы посѣтили Меня“... Ускоримъ же свою помощь и страждущимъ разными недугами, коихъ такъ много среди бѣженцевъ! О, чада возлюбленныя, „кто сѣетъ скупю, тотъ скупю и пожнетъ; а кто сѣетъ щедро, тотъ щедро и пожнетъ. Каждый удѣляй по расположенію сердца не съ огорченіемъ и не съ принужденіемъ, ибо доброхотно дающаго любить Богъ“ (2 Кор. 9, 6—7). Но не смущайтесь своею бѣдностію: „дающаго рука не оскудѣетъ“ (Прит. 28, 27). Не смущайтесь и малостію своей жертвы: и за чашу студеной воды Господь обѣщаетъ награду (Матѣ. 10, 4).

Облегчая несчастную участь бѣженцевъ, мы не только выполняемъ заповѣдь Господню, но и совершаемъ великое государственное дѣло: въѣвъ государство, обремененное необычными военными нуждами, не въ силахъ само обезпечить всёми и всѣхъ бѣженцевъ. Посему, милосердствуя нашимъ братьямъ бѣженцамъ, мы и Господу служимъ и облегчаемъ заботу и скорбь нашего возлюбленнаго Государя Императора о несчастныхъ жертвахъ небывалой войны. А наше храброе воинство, слыша, какъ сочувственно мы относимся къ ихъ родителямъ, женамъ и дѣтямъ, пострадавшимъ отъ враговъ, еще храбрѣе будетъ идти въ бой съ врагомъ и съ Божіей помощью прогнать ихъ далеко отъ предѣловъ земли нашей. Да благословитъ же Господь ваше щедрое доброхотное даваніе бѣженцамъ!

† Флавіянъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій“.

Тѣло въ Бозѣ почившаго митрополита, послѣ краткихъ дней, было перенесено изъ покоевъ въ Благовѣщенскій храмъ, гдѣ епископами и архимандритами было совершено облаченіе въ полное святительское облаченіе. Трогательна и умилительна до слезъ была церемонія одѣянія въ святительскія одежды умершаго архипастыря. Послѣ одѣянія была отслужена полная панихида, кончившаяся въ полночь. Затѣмъ началось непрерывное чтеніе св. Евангелія. Панихиды служились непрерывно во всё пять дней, пока тѣло не было погребено. Кіевляне всёхъ званій и состояній денно и ночью шли ко гробу святителя облобызать его холодную десницу и проститься съ нимъ. Кіевъ погрузился въ общую печаль, забылась военная гроза, всё стремились къ дорогому гробу, послѣдній разъ взглянуть на почившаго архипастыря и преклонить предъ нимъ свою голову.

8 ноября въ 4 часа 30 минутъ вечера кипарисовой гробъ съ тѣломъ почившаго митрополита изъ крестовой Благовѣщенской церкви перенесенъ въ соборъ Кіево-Печерской лавры. Печальное шествіе было совершено при многолюдномъ собраніи народа, духовенства, архипастырей во главѣ съ высокопреосвященнымъ митрополитомъ Владиміромъ. Вечеромъ было совершено заупокойное всеночное бдѣніе.

9 ноября совершается заупокойная литургія во всёхъ церквахъ города Кіева, а въ Великой Лавровской церкви архіерейскимъ служеніемъ. Соборъ былъ наполненъ народомъ всёхъ званій и состояній. На погребеніе пріѣхалъ другъ покойнаго, главнокомандующій арміями южнаго фронта генераль-адъютантъ Н. І. Ивановъ. вмѣсто причастно произнесъ надгробное слово профессоръ академіи протоіерей Ѳ. Титовъ, въ которомъ отмѣтилъ душевныя качества почившаго и его праведную жизнь. На отпѣвъ вышелъ многолюдный сонмъ архипастырей и пастырей во главѣ съ высокопреосвященнѣйшимъ Владиміромъ, митрополитомъ Петроградскимъ и Ладожскимъ *). Предъ началомъ отпѣванія, глубоко прочувственное слово сказалъ архіепископъ Харьковскій Антоній, въ которомъ онъ начерталъ высокой свѣтлый образъ почившаго святителя, вышедшаго не изъ духовной школы, жившаго всецѣло для Бога и ближнихъ.

Въ совершеніи отпѣванія принимали участіе съ митрополитомъ Владиміромъ, слѣдующіе архипастыри: архіепископы—Антоній Харьковскій, Назарій Херсонскій, Евлогіи Волинскій, Платонъ Кишиневскій, Михаилъ Гроденскій; епископы—Ѳеофанъ Полтавскій, Иннокентій, предсѣдатель мис-

*) Нынѣ Кіевскій и Галицкій.

сіонерскаго совѣта, Агапѣтъ Екатеринославскій, Василій Кіевскій, Никодимъ Чигиринскій, Назарій Черкасскій и Димитрій Уманскій.

Передъ пѣніемъ канона, ректоръ Кіевской духовной академіи, преосвященный Василій произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ глубокую скорбь Кіевской паствы, лишившейся своего мудраго архипастыря въ переживаемое тяжелое время, когда въ немъ она особенно нуждалась. Затѣмъ отмѣтилъ любовь почившаго къ академіи и къ академическимъ труженикамъ науки.

Чинъ отпѣванія совершался по уставу, безъ пропусковъ, производилъ на молящихся глубокое впечатлѣніе. Въ 3 часа дня началось послѣднее пѣлованіе умершему, а затѣмъ гробъ былъ взятъ священнослужителями и похоронная процессія, во главѣ съ митрополитомъ Владиміромъ, двинулась къ вѣчному покою почившаго, въ Крестовоздвиженскую церковь, что у ближнихъ пещеръ.

По всему пути стояли сплошныя живыя народныя стѣны, въ первыхъ рядахъ стояли шпалерами воспитанники и воспитанницы среднихъ и низшихъ школъ Кіева. Хоръ заунывно пѣлъ „Помощникъ и Покровитель“, а похоронный перезвонъ колоколовъ вторилъ имъ, и какъ бы слышился общій скорбный стонъ несущійся на небо. Впереди процессіи несли запрестольный крестъ съ фонаремъ, затѣмъ хоругви, а за ними шли рядами воспитанники духовной семинаріи съ ихъ воспитателями, служащіе консисторіи и профессора академіи. Потомъ несли крышку гроба и слѣдовали лаврскіе пѣвчіе, іеродіаконы и діаконы съ кадилами, священники, іеромонахи, протоіереи, архимандриты, епископы, архіепископы, митрополитъ Владиміръ, священосецъ и крестоносецъ, духовникъ покойнаго митрополита съ икеною и жезлоносецъ. Предъ гробомъ шелъ іеродіаконъ съ блюдомъ, на которомъ былъ малый омофоръ, бѣлый клобукъ и четки, а за нимъ слѣдовали иподіаконы съ дікиріемъ и трикіріемъ. Гробъ былъ покрытъ архіерейской мантией, несомый на рукахъ священнослужителями, а по бокамъ шли иподіаконы съ рапидами и четыре свѣщеносца съ горящими свѣчами. За гробомъ шли военные и гражданскіе чины, а за ними слѣдовалъ народъ. Похоронная процессія обошла вокругъ Великой Лаврской церкви, а затѣмъ направилась черезъ святыя ворота, по обводу лаврскихъ стѣнъ къ Ближнимъ пещерамъ. Вотъ гробъ уже у зіяющей могилы. Начинаетъ темнѣть. Митрополитъ Владиміръ возливаетъ на тѣло усопшаго вино и елей, отъ таинства елеосвященія, закрывается крышка гроба и без-

молвная могила скрываетъ отъ взора людскаго любимаго народнаго архипастыря.

Не было вѣнковъ, но были сердечные слова, обильные слезы, облившіе свѣжую могилу и усердные молитвы возносившіеся къ небесамъ.

Покойный сдѣлалъ на землѣ все, что могъ, все, что умѣлъ. Онъ жилъ и трудился не для себя, а для Бога и ближнихъ. Онъ хотя сошелъ съ поприща жизни въ могилу, но память о немъ будетъ жить вѣка. Труды его не поблекнутъ, но будутъ цвѣсти, испуская благоуханіе потомству. Окончились теперь дни труда его, порвалась водимая связь съ временною жизнію, но любовь его жива, свидѣтельствуя свою неизгладимую силу, доказавъ, что она сильнѣе смерти, ибо мѣсто вѣчнаго покоя народнаго архипастыря будутъ окружать тѣ, для кого онъ жилъ.

Игумень Серафимъ.

**ПАМЯТИ ІЕРОСХИМОНАХА ІЕРОНИМА, ДУХОВНИКА
ОБИТЕЛИ Св. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ПАНТЕЛЕИМОНА.**

(Къ 30-лѣтію его кончины *).

14 ноября 1915 года исполнилось тридцать лѣтъ со дня смерти іеросхимонаха Теронима. Ровно 30 лѣтъ тому назадъ въ этотъ день, въ 9 часовъ утра, скончался богомудрый старецъ, духовникъ, ктиторъ и благодѣтель этой святой обители, послужившій духовному ея обновленію, воздвигшій ее отъ совершеннаго упадка и возведшій на высокую степень преуспѣянія духовнаго своимъ неусыпнымъ попеченіемъ и руководствомъ. Это былъ вождь, воспитавшій и обучившій наукъ изъ наукъ—богоудобному иночеству многихъ воиновъ Христовыхъ, руководившій ихъ въ браняхъ съ невидимыми врагами, съ отеческою любовью оберегавшій ихъ отъ паденій.

*) Душ. собесѣд. Вып. 11, 1915 года.